

жыдвидэ), Ваймос (Ваймӧс), Вилъдь, Гыркашор, Емваль, Камгорт, Катыведь, Керки, Коздинга (Коздин), Кривбе (Кодж), Мандач, Нобуль (Ноболь), Праскан, Сырочай и т. д.

Словарь мог бы быть снабжен указателями имен. Поскольку за основу взяты официальные названия, необходим указатель коми вариантов. Иногда в одной статье встречается до десятка и более самостоятельных топонимов, имеющих отношение к основному названию.

Часто приводятся их фонетические и историко-графические варианты, параллельные названия, данные соседствующими народами, а также народами, вытесненными ныне с тех земель.

Вышеперечисленные упущения и недостатки не снижают научную и практическую ценность словаря, он является серьезным шагом вперед в изучении коми топонимии.

Г. А. АРХИПОВ (Ижевск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.1.15>

Т. Э. Кукк, Словообразование наречий в карельском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1987.

11 мая 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском университете состоялась защита кандидатской диссертации Т. Кукка «Словообразование наречий в карельском языке». Работа выполнена под руководством профессора Э. Вяэри. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллин) и кандидат филологических наук В. Д. Рягоев (Петрозаводск).

Тема работы Тийта Кукка — одна из редких: хотя о словообразовании наречий вообще пишут, рецензенту не известно ни одно монографическое исследование в этой области, тем более по финно-угроведению. Тема актуальна, но относится к труднейшим. Общая цель исследования — дать систематическое описание словообразования наречий в карельском языке — автором разбивается на ряд задач: отграничение наречия от других классов слов, характеристика всех словообразовательных способов и типов и определение их роли в словообразовании наречий, определение и классификация морфемного инвентаря, участвующего в словообразовании наречий, анализ генезиса наречных суффиксов, рассмотрение роли формообразования в словообразовании наречий, анализ принципов развития карельской системы наречий.

Работа основывается на богатом материале южнокарельских говоров, в частности весьегонского, но учитываются и

северокарельские, ливвиковские и лудиковские данные, причем весьегонские материалы собраны автором в экспедициях.

Объем работы — 279 машинописных страниц, она состоит из введения (8 с.), пяти глав (38 + 69 + 38 + 25 + 11 = 181 с.), заключения (5 с.), списка использованной литературы (24 с.), трех приложений: таблицы, перечень карельских наречий, карты (11 + 48 + 2 = 61 с.), и детального оглавления (5 с.).

Введение содержит характеристику темы, формулировку цели, описание материала (включая и принципы унифицированной транскрипции), историю изучения проблемы, характеристику метода и аннотацию.

В главе I («Основы анализа») излагаются основные понятия словообразования, морфологическая и синтактико-семантическая характеристика наречий, проводится разграничение первичных и вторичных наречий и представляется перечень первичных исконных наречий и древних заимствований, а также рассматриваются соотношения наречий и т. н. релятивных слов (пред- и послелогов).

Изложение основных понятий — интересное введение в словообразование, показывающее не столько несомненную эрудицию автора, сколько его способность понять сущность, а тем самым и возможные недостатки разных, в том числе и весьма новых идей.

При морфологической характеристике наречий Т. Кукк упоминает и традицион-

ный взгляд на наречия как неизменяемую часть речи, и позицию рецензента, высказанную в 1967 г., о том, что наречие в финно-угорских языках склоняется, но не совсем так, как существительное. Позиция же Т. Кукка: «наречие — это категория неизменяемая, но так как при словообразовании наречий используется тот же морфемный инвентарь, что и при склонении имен, то образуются словообразовательные парадигмы, которые формально могут совпадать с формообразовательной парадигмой имени» (с. 22—23). «Основным критерием разграничения формообразовательной и словообразовательной парадигмы, формально совпадающей с формообразовательной парадигмой, является лексикализация членов такой словообразовательной парадигмы» (с. 23). Если дело в лексикализации, то формы номинатива, генитива и партитива единственного числа многих двусложных именных основ эстонского языка, как лексикализованные, должны относиться к наречиям; в парадигме существительного *käsi* 'рука' таких форм еще больше: кроме номинатива, формы генитива (*käe*), партитива (*kätt*), иллатива (*kätte*) единственного числа и генитива (*käte*) и партитива (*käsi*) множественного числа, так как ни одну из них ни один говорящий не образует, все они заучены как таковые. Фактически же даже овладение ребенком склонением существительных самых распространенных, открытых агглютинативных типов начинается с лексикализованных словоформ. Лексикализация словоформы на этом этапе заключается в запоминании ее фонологической формы + лексического значения + функционального (синтаксического) класса. Позже ребенок учится выделять в схожих лексикализованных словоформах более или менее вероятные формальные признаки путем опущения, добавления или замены которых можно изменить функциональный класс словоформ. Такова же суть овладения спряжением и сравнением слов. Но выделение в уже лексикализованных словоформах каких-нибудь определенных формальных признаков не меняет их лексикализованности: формы не стираются, впрочем, к счастью, так как выделение признаков может оказаться ошибочным. Что касается проблемы связи склонения/словообразования наречий и послелогов,

то не вижу причины, по которой ребенок после анализа и классификации формальных признаков членов парадигмы *tuba* 'комната': *tuppa* 'в комнату': *toas* 'в комнате': *toast* 'из комнаты' будет анализировать и классифицировать такие же признаки парадигмы *külla* 'в гости (куда?)': *külas* 'в гостях (где?)': *külast* 'из гостей' по иному принципу, а признаки парадигмы *küla* 'село': *külla* 'в село': *külas* 'в селе': *külast* 'из села' опять же по первому. Порядок представления этих парадигм соответствует нормальному озонакломлению большинства эстонских детей с ними. Что касается решения этой принципиальной проблемы автором, то оно по сути ни на что не влияет, так как в главе III образцово представлены и проанализированы падежные наречные формы.

В этой же главе приводится перспективная классификация наречий на тактовые с первичной и вторичной семантикой. Карельские наречия с первичной семантикой бывают темпоральные, наречия ориентации, образа действия, состояния и положения, дистрибутивные, наречия результативности, интенсивности, модальные. Вторичную семантику наречия приобретают при присоединении к ним аффиксов сравнительных степеней, отрицания, неопределенности, деиниутивности, умеренности. Предлагается, кроме того, выделение первичных и вторичных наречий. Эта классификация представляет собой существенно уточненный вариант классификации Х. Сулкала (H. Sulka). Здесь имеется в виду синхроническая первичность: наречие не совпадает ни с одной из падежных форм какого-либо имени, а также не является дериватом, образованным от какого-либо имени. (Правда, представляется, что первичное наречие и не должно быть дериватом другого наречия.) Приведены южнокарельские первичные наречия (их 20) и связанные наречные основы (всего 24).

В главе II («Первичное морфемное словообразование наречий») рассматриваются наречия, образованные а) от основ, причем и сложных, при помощи специальных наречных суффиксов и б) путем сложения двух основ. Выделены 16 наречных суффиксальных морфем. Для каждой указаны алломорфы в разных диалектах, история суффикса, значение, типы образования (т. е. часть речи производящей

основы), морфофонологические изменения при словообразовании, продуктивность. В этой содержательной главе вызывает сомнение правильность исторического объяснения морфемы {li} — *la + ik, причем -ik соединяется с латинским суффиксом *-k. Но пока не ясно происхождение элемента i, это объяснение скорее неверно. В принципе же, по мнению рецензента, в данной работе исторических объяснений могло и не быть.

Глава III («Словообразование и формообразование») посвящена наречиям как продуктам «превращения членов формообразовательной парадигмы в наречия» (с. 118). Отдельно рассматриваются лексикализация (т. е. адвербиализация) падежных форм, словообразование (т. е. склонение) по аналогии, а также категории, промежуточные между наречием и падежной формой. Адвербиализация падежных форм имен происходила либо путем отрыва от именной парадигмы по форме (к партитивным, инессивным, элативным, аблативным, транслативным, эссивным, абессивным формам прибавляется -h, древний — или бывший? — притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. или же произошло укорочение основы) или путем семантического отрыва форм от парадигмы, например *riä* 'голова' → **riä* 'вершина (чего-л.)'. Словообразование по аналогии заключается либо в образовании наречий на базе наречных основ при помощи формообразующих (фактически — падежных) суффиксов либо в образовании наречий на базе глагольных и именных основ при помощи формообразующих (т. е. падежных) суффиксов: основы могут принимать суффиксы партитива (в функции сепаратива), иллатива, инессива, элатива, аллатива/адессива, аблатива, транслатива, эссива, пролатива, инструктива. Категориями, промежуточными между наречием и падежной формой, считаются пролатив и инструктив.

В главе IV («Вторичное морфемное словообразование наречий») анализируется словообразование наречий от наречий

при помощи аффиксов и энклитических частиц. Возникшие таким путем т. н. наречные модификации могут быть 1) компаративными, 2) неопределенными, 3) отрицательными, 4) модеративными или 5) деминутивными. Фактически неопределенные и отрицательные наречия здесь, в отличие от остальных, образуют собственную группу, характеризующуюся не только сравнительной новизной, но и использованием прежде всего энклитических частиц, и возрастающей ролью русских энклитических частиц или аффиксов -to, -libo, -nibut', ni- в словообразовании наречий.

Глава V («Поздние русские заимствования в наречной системе карельского языка и тенденции развития наречной системы») дает семантическую классификацию заимствованных наречий и краткую и ясную картину проникновения и адаптации их в карельском языке. Согласно автору, заимствование наречий (в условиях двуязычия карелов) объясняется двумя основными причинами: 1) восполнение пробелов в наречной системе и 2) частотность употребления определенного наречия в контактном языке (неужные заимствования).

Заключение в строгой форме излагает основные результаты работы. И хотя каждая глава завершается специальным обобщающим разделом («Выводы»), заключение не лишает их логической необходимости.

Работа Т. Кукка представляет собой законченное и обстоятельное исследование системы наречий карельского языка. Она вполне отвечает недавно зародившемуся в мировой лингвистике интересу к наречиям и релятивным словам, удачно использует новейшие положения и методологические приемы, а также достижения исторической лингвистики. Как работа, выполненная на уровне мировой лингвистики 1980-х годов, она образцова и достойна публикации.

ТИИТ-РЕИН ВИИТСО (Таллин)